

Языческий мир подростков

051429123. - 1998. - 15-28 Я.В. - с. 8.

23 января в киноконцертном зале «Пушкинский» состоится премьера фильма режиссера Дмитрия Месхиева «Американка». Сценарий картины, действие которой разворачивается в 67-м году, написал Юрий Коротков. Картина рассказывает о подростках, о первой любви, о первых потерях и победах. «Мы снимали фильм-воспоминание», — считает режиссер Дмитрий МЕСХИЕВ.

— Снимать фильмы о прошлом — модная тенденция. Вокруг только и разговоров, что о ностальгии. Ваши фильмы — «Гамбринус» по Куприну, «Циники» по Мариенгофу, «Над темной водой» — о молодости ваших родителей, теперь вот 70-е годы. Вас не привлекает современность?

— Мы снимали фильм не о прошлом. Конечно, мы пытались точно воссоздать время, но не это было главным. Наш фильм — в чистом виде фильм-воспоминание. На него указывает даже обрывочный способ съемки. Ведь когда вы о чем-то вспоминаете, вы помните какой-то конкретный кусочек события, иногда без начала и конца. Может быть, я ошибаюсь, но наша сегодняшняя жизнь слишком подвержена социальным изменениям. Кино устаревает еще до того, как закончено производство фильма. И если уж делать современное кино, то оно должно избегать политических и социальных проблем. Тем не менее в первый день нового года я запустился с «современным» телевизионным фильмом. Сценарий, основанный на рассказах Валентина Черныха, написал Юрий Коротков. А когда закончу, снова начну снимать. И вновь — современное.

— Некоторые режиссеры увере-

ны, что между картинами необходимо устраивать хоть небольшие, но перерывы. Вы не из их числа?

— Мне нравится снимать кино. В основном режиссеры с надеждой ждут окончания съемочного периода, чтобы засесть в монтажной и там «собрать» свое кино. Для меня и монтаж, и озвучание — процессы мучительные, я люблю сам процесс съемок. Общих для всех законов не существует: кто-то снимает раз в десять лет и все шедевры, а кто-то с той же периодичностью выпускает дрянь. А вот Фассбиндер снял 44 картины, не все хорошие, зато все разные. Мне нравится работать, хочется работать, я чувствую в себе силы. В кино я стараюсь не обозначать собственную колею. Мечтаю снять и боевик, и детектив. Да и чего я только не снимал: и клипы, и рекламу, и телепрограммы... Не так давно снял малобюджетный фильм «Бомба» — тоже своего рода эксперимент. Я в принципе согласен с тем, что сегодня нас спасет именно малобюджетное кино. С условием, что оно будет сделано профессионально.

— Вы не удержались и от еще одного модного начинания, открыв в Петербурге богемный клуб «Котел». Продолжаете им заниматься?

— Я не сошелся с некоторыми своими компаньонами и во избежание свар и ссор самоустранился. Но это уже неважно: клуб существует. По-моему, главное — не говорить, а делать. Я сделал.

— В таком случае, ваш новый фильм «Американка» — тоже своего рода эксперимент, причем довольно рискованный. Вам не было страшно работать с непрофессиональными да к тому же малолетними артистами?

— Я боялся этого, но оказалось, что они классные ребята. Наши девочки — студентки театральных институтов, а мальчики — действительно обычные 15-летние подростки. Почему-то непростые актерские куски удавались им намного легче, чем бытовые сцены. Я волновался, что будут проблемы с так называемыми эротическими сценами (довольно невинными, впрочем), но гораздо сложнее для ребят оказались диалоги и проходы, требующие технических навыков, умения правильно встать, в нужное время повернуться. Разумеется, они все забывали, страшно уставали. Но грандиозных проблем не было. Они ребята лихие, им на все наплевать. Главный герой — он в техникуме учится — такой... хороший парень.

— Один такой «хороший парень» снимался в главной роли в фильме Сергея Бодрова «СЭР». После съемок режиссер продолжал следить за судьбой подростка, а в результате ему пришлось выступать в суде...

— В тюрьму никого из наших не посадили, хотя опасность была: ребята бесшабашные.

— Участие в фильме дочери Бориса Гребенщикова — продуманный рекламный шаг?

— Это произошло вне дружеских контактов с папой-артистом. Мы просто искали смешную девочку. Когда в Пскове, где мы снимали, автобус с актерами обступили местные жители, я понял, что «наших» отличает не старомодная реквизитная одежда, а лица. Мы искали и нашли лица из той эпохи.

Подростковый возраст — очень языческий период жизни. Какие-то свойства характера и манеры поведения уже абсолютно взрослые, какие-то — совершенно дет-

Режиссер Дмитрий Месхиев

ские. В основе сюжета нашей картины — подготовка к празднованию юбилея советской власти. А коммунизм и фашизм — как у Феллини в «Амаркорде» — тоже два очень языческих понятия, с их любовью к тотемам, символам и играм. Дети участвовали в коммунистическом движении с удовольствием, для них это была игра, существующая на одном уровне с играми сексуальными. Игра как часть жизни и жизнь как игра.

— Насколько вы узнавали себя тогдашнего в сегодняшних несовершеннотеленных?

— Отличия между нами только внешние, естественно проявившиеся от изменений в стране. Но хотя история, рассказанная в фильме, запросто могла бы приключиться сегодня, мы снимали кино именно о 67-м годе. Иначе пришлось бы делать картину не просто о подростках, а о роулерах или рэпперах. Сегодня все поделилось на «реки» и течения, тогда же существовали общепринятые подростковые законы. Вся съемочная группа вспоминала о детстве одно и то же: нас связывали одни «примочки», мы стремились однотипно одеваться, у нас были одни сигареты, один портвейн, одно пиво и одни песни под гитару. Более того — Юрий Коротков писал про 67-й год, про свои 12 лет. Я же значительно младше. Но помню те же реалии. Например, училку, которую играет Нина Усатова, мы придумали, соединив в одно лицо и мою, и ее классную руководительницу.

— Вы живете в Санкт-Петербурге и считаетесь представителем питерской волны в кинематографе. Насколько правомерно это разделение двух столиц?

— Я не могу объяснить, в чем специфика питерского кино, просто ощущаю ее. Петербург — провинция, пытающаяся прорваться на уровень какой-то странной столицы неизвестно какого государства. Москва — мегаполис со

всеми его особенностями. Пока, на мой взгляд, питерское кино лидирует, хотя в этом году ситуация может резко измениться. Выходит много картин, некоторые из московских обещают стать очень сильными. Меня не слишком занимает «происхождение». Главное, чтобы кино было хорошим и не пошлым.

— Чем, на ваш взгляд, порадует зрителей наступивший кинематографический год?

— Могу сказать лишь о том, чего следует опасаться. Сегодня на нас надвигается вал не слишком профессиональных дешевых фильмов и фильмодел. Ситуация, по-моему, устрашающая и напоминает 91-й год, когда на зрителя обрушились чуть ли не 400 фильмов, неизвестно кем снятых. Это ведь только кажется, что режиссер — не профессия. Сегодня кинематограф начал приносить прибыль, и единственное, что волнует кинопроизводителей, — чтобы все стреляло, взрывалось, чтобы раскупили кассеты и раскошелились телевизионные каналы. О том, что это кино смотрят люди, никто не думает. Это кино-однодневка. Но другое кино поднимает голову, и я надеюсь, что уровень старого советского кино не опустится до дешевой кооперативщины.

— Вы признались, что лишь однажды посетили недавно прошедший съезд кинематографистов. Вас совсем не привлекает возможность законодательно повлиять на развитие отечественного кино?

— У меня другая профессия — кинорежиссер. Про закон о кино говорят уже давно, но пока это не приводит ни к каким серьезным последствиям. Мне кажется, что сейчас самое главное — это работать, кино снимать. А заниматься интригами в кулуарах, обсуждать какие-то гипотетические законы мне не интересно.

Кадр из фильма «Американка»: Леша Колядко (Сергей Васильев) и Тая (Наталья Данилова)